

EXHIBITE 170 1901

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

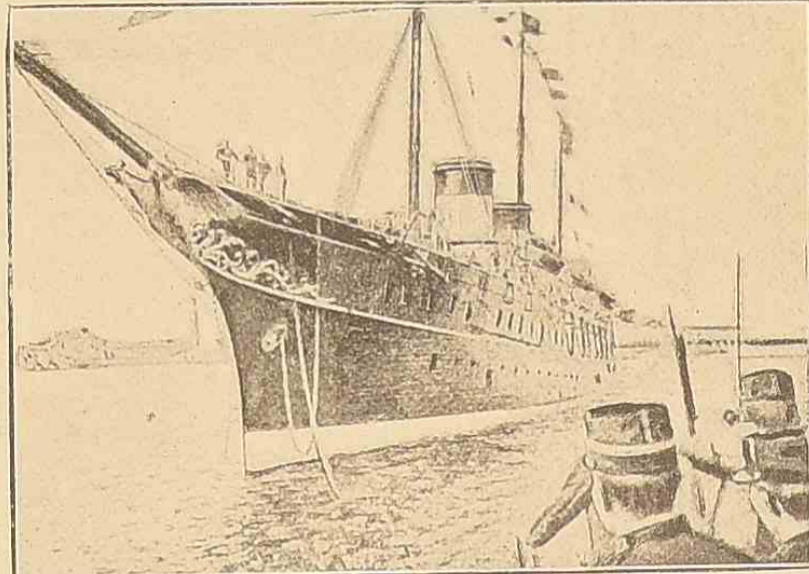
№ 5409.

Воскресенье, 16-го сентября 1901 г.

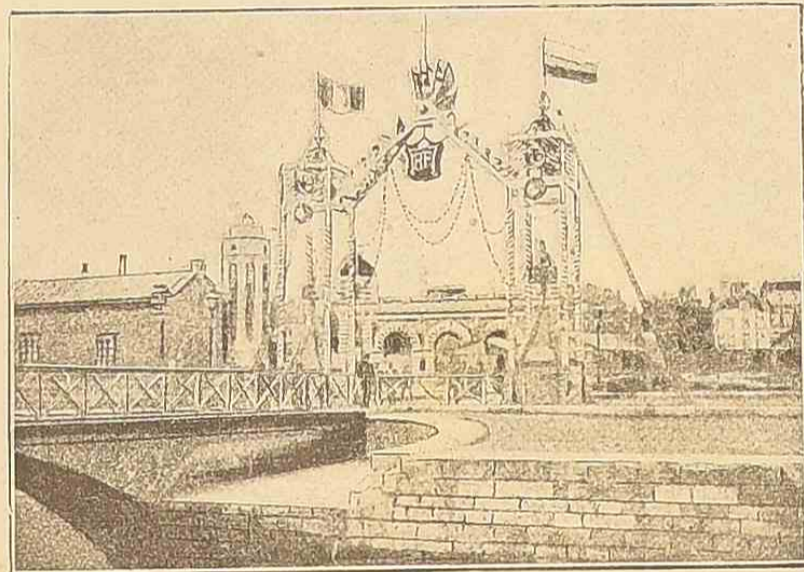
№ 5409.

Сигнал о прибытіи Императорскихъ яхтъ въ французскія воды.

Входъ „Штандарта“ въ дюнкирхенскую гавань.

Триумфальная арка на дюнкирхенской набережной.

Пожмишь-ли ты?

Новелла Элизы Оржешиковой. *)

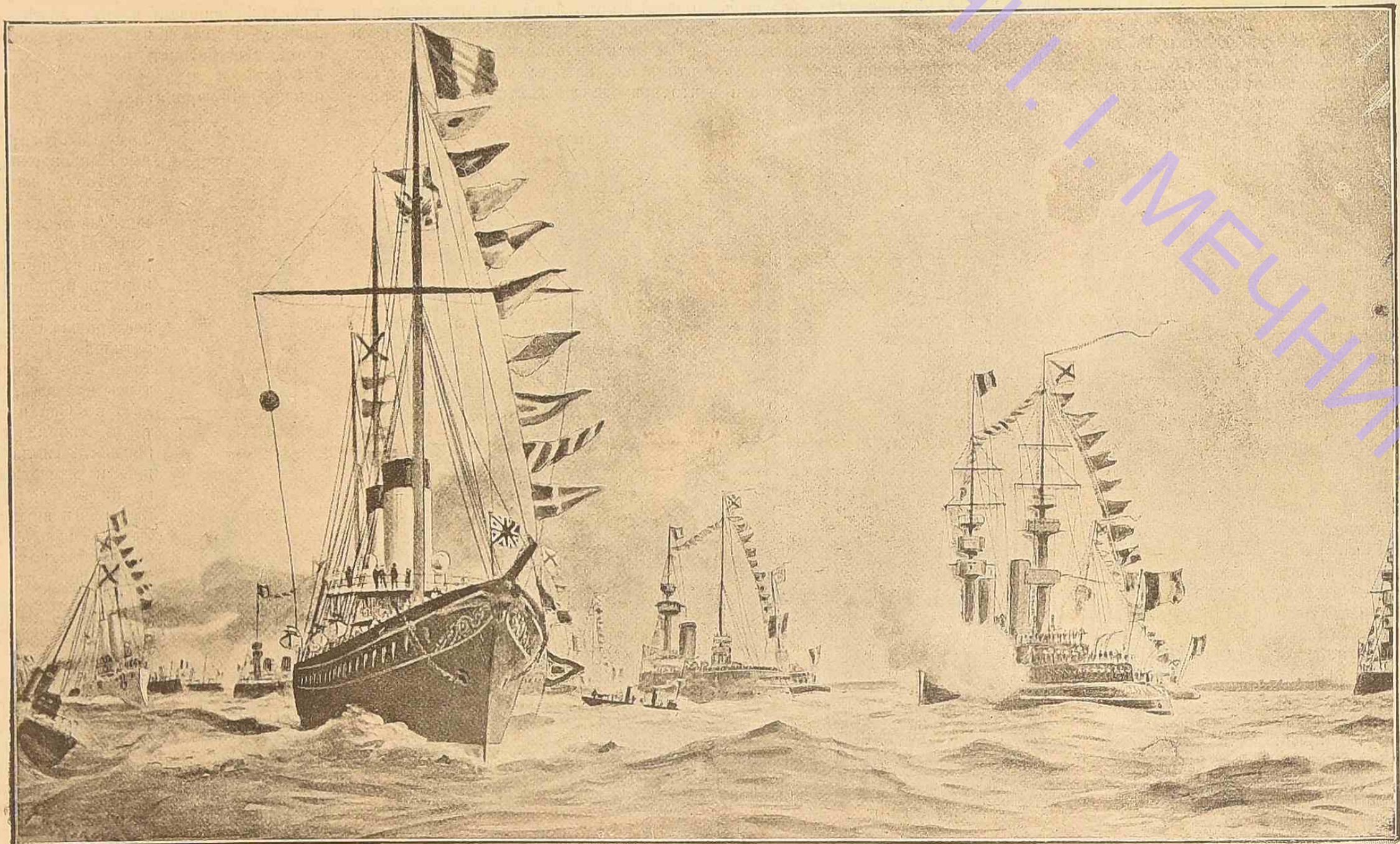
Онъ имѣлъ видъ счастливаго и богатаго чловѣка и видъ этотъ не былъ обманчивымъ, потому что онъ дѣйствительно былъ доволенъ собой и судьбой. Ему везло и въ физическомъ отношеніи и на общественномъ по-

прищѣ. Если бы на одну чашу вѣсовъ положить его титулы и чины, а на другую ростъ и полноту, то неизвѣстно, что перевѣсило бы. Онъ былъ высокъ, тученъ, румянъ и при этомъ богатъ, знатенъ и вліятеленъ. Несмотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ, онъ сохранилъ густые темные волосы, гладкое лицо, свободныя движенія и все лишь оттого, что въ теченіе тридцати лѣтъ шелъ по одному и тому-же строго-намѣченному пути,

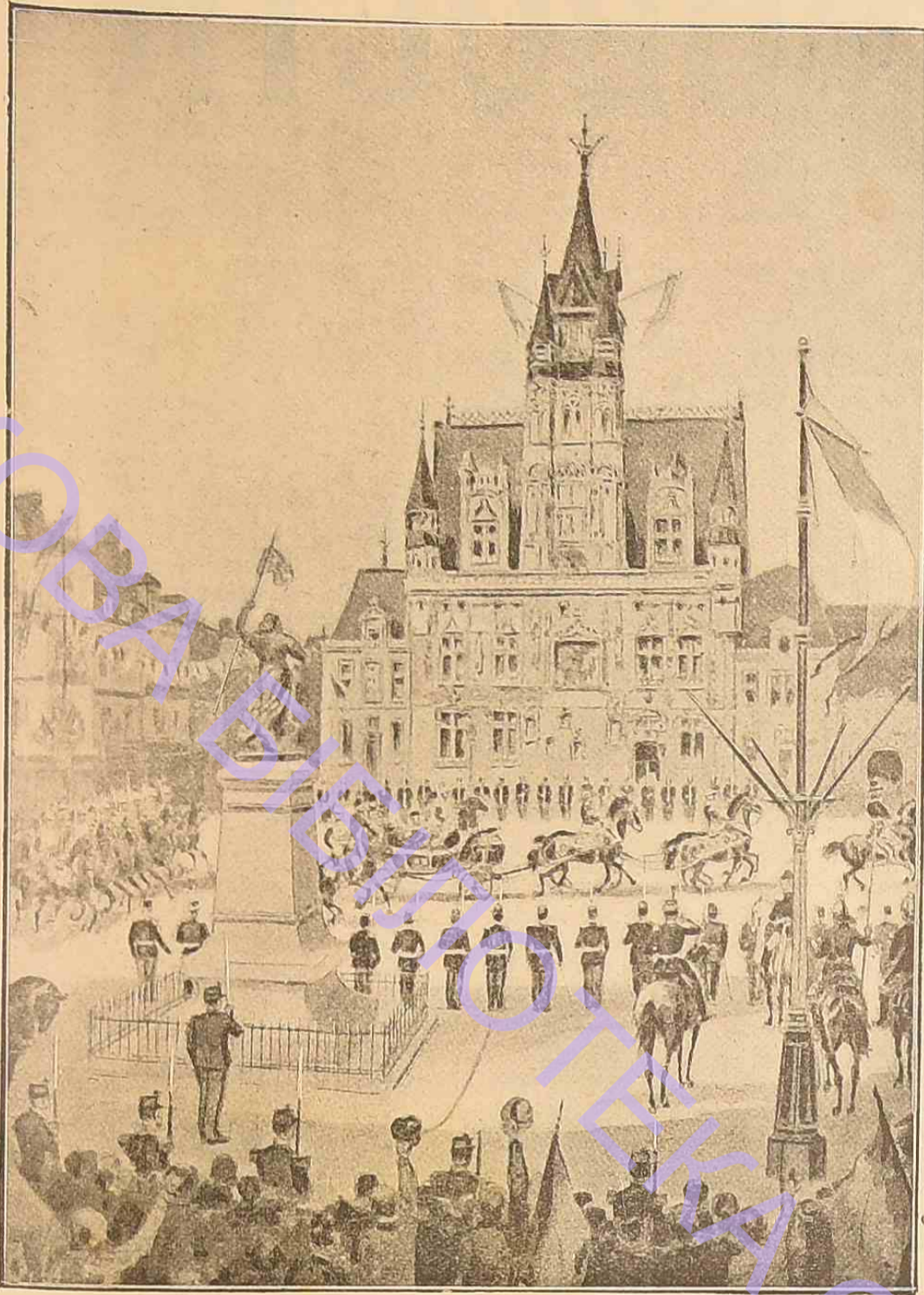
руководясь исключительно своей жельзной волей. Онъ обладалъ всѣмъ чего желалъ: хорошимъ мѣстомъ, титуломъ превосходительства, связями съ высокопоставленными лицами, изысканными обѣдами, дорогой шубой, прелестнымъ экипажемъ, лакеемъ и рысакомъ. „Вотъ чего я достигъ—ду-

малъ онъ не разъ, а вѣдь мать убаюкивала меня не въ раззолоченной колыбели. Хорошая была женщина, тихая, ласковая, даже грустно становится при воспоминаніи о ней. Отецъ тоже былъ почтеннымъ чловѣкомъ; какъ крѣпко цѣловалъ онъ меня, когда я уѣзжалъ изъ дому

*) Переводъ „Вол“.

Маневры французскаго флота на дюнкирхенскомъ рейдѣ.

Кортежъ передъ ратушей въ Компьенѣ.

въ послѣдній разъ, даже, кажется, заплакалъ, бѣдняга! Они были бѣдны, не нищѣ однако. Пфуй! какую жизнь приходилось имъ вести. Чортъ возьми! Вѣчныя заботы, трудъ, а результатъ таковъ, что хоть плюнь. Отказывай себѣ во всемъ, живи безъ всякаго значенія въ свѣтѣ и разлагайся медленно при жизни такъ, какъ будешь разлагаться послѣ смерти. Я бы не прожилъ такъ и трехъ лѣтъ — ей Богу! Пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ или вызвалъ бы перваго дурака на дуэль, чтобы быть убитымъ. Выкарабкался изъ ямы и достигнуть такихъ вершинъ — это штука. Если же удалось мнѣ, то значитъ голова у меня недожинная и нервы какъ корабельные канаты. Но зато теперь мнѣ хорошо. Чего мнѣ не достаетъ?... Положение, связи, почести, деньги — все есть. Дальний я малый!..“

Онъ оцѣнивалъ себя правильно въ отношеніи трудолюбія. И теперь еще въ томъ учрежденіи, гдѣ онъ былъ чиновникомъ получавшимъ хорошее жалованье, и въ другихъ, гдѣ числился почетнымъ членомъ, онъ работалъ много, рьяно, энергично. Онъ составлялъ прекрасные проекты, а его аккуратность и осторожность были извѣстны всѣмъ и даже высшему начальству. Онъ не признавалъ отвлеченностей, не думалъ или же забывалъ о нихъ. Но цифра, фактъ, были для него даже святыней, и онъ

видѣлъ въ нихъ властелиновъ своихъ и міра. Безъ нихъ онъ не достигъ бы ничего. Зато теперь, когда, величественный и спокойный, онъ ежедневно спускался съ мраморной лѣстницы большого зданія, головы подчиненныхъ склонялись передъ нимъ, какъ колосья передъ солнцемъ, умоляя взглядами, улыбками, услугою объ одномъ взорѣ или ласковомъ словѣ. А потомъ!.. о, о!.. Быстро граціозно мчитъ великолѣпный рысакъ по покрытой снѣгомъ, длинной, прямой улицѣ, а въ саняхъ, изъ-подъ мѣховаго воротника выглядываетъ голова его превосходительства, посылающая вправо и влево поклоны другимъ военнымъ или свѣтскимъ превосходи-

тельствамъ, которые возвращаютъ ихъ ему съ улыбкой и дружескими жестами, какъ равные равнымъ. Все это его товарищи и сотрудники въ дѣлахъ, стремленіяхъ и развлеченіяхъ. Они вѣдутъ въ ту же сторону, что и онъ — въ клубъ, гдѣ ихъ ожидаютъ плавающія въ сажалкахъ стерляди и замороженое шампанское. А затѣмъ, когда на потемнѣвшее небо выплываетъ блѣдая и грустная луна — они помчатся на тройкахъ далеко за городъ, туда, гдѣ черноокія пылкія цыганки поютъ и танцуютъ при блестящемъ освѣщеніи въ полномъ разгарѣ оргіи... Или же опера! Чортъ возьми какія дороги и модныя пѣвицы раскрываютъ тамъ свои рты! Звуками, исходящими изъ этихъ ртовъ онъ интересовался мало, потому что природа отказала ему въ музыкаль-

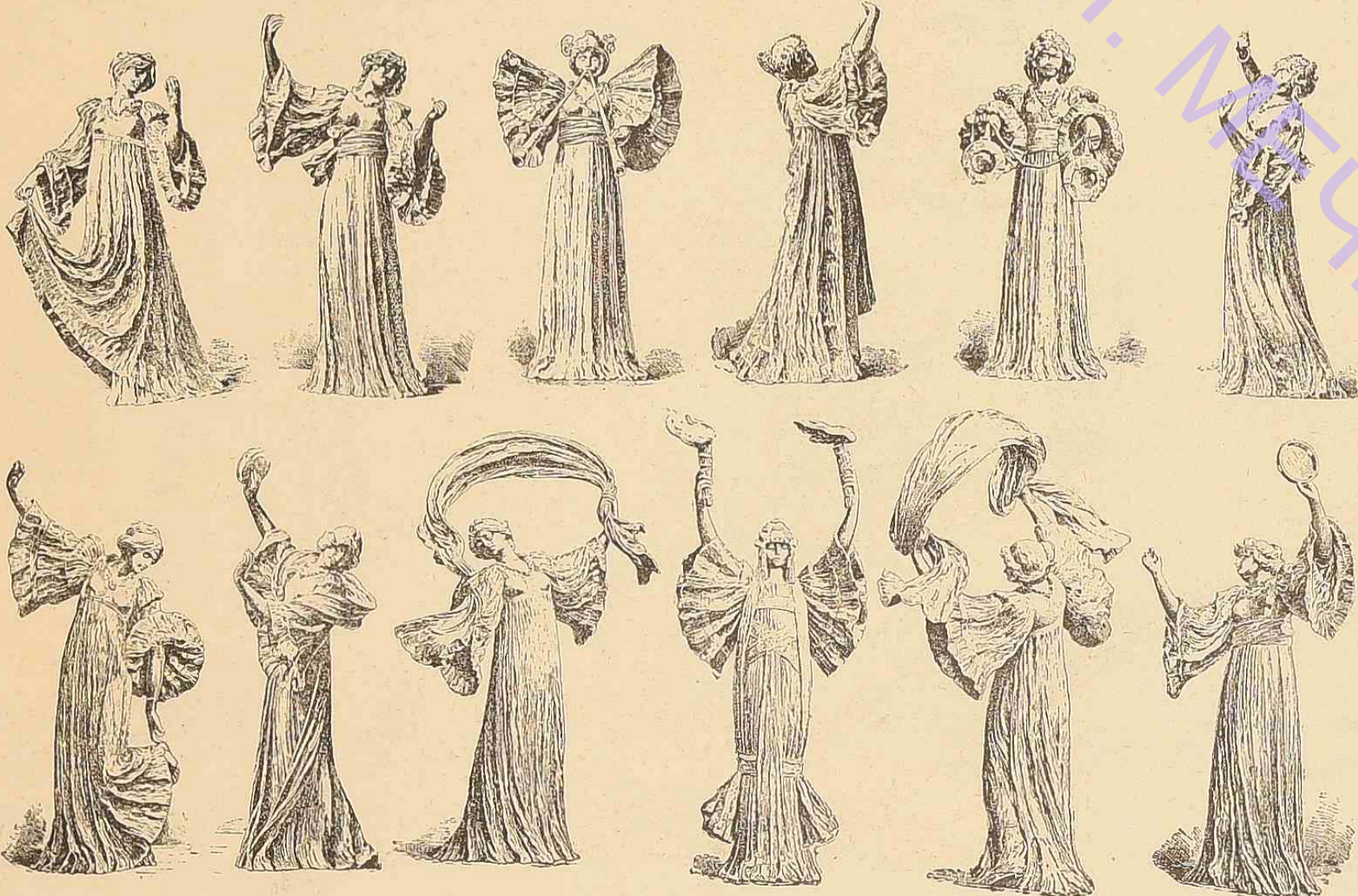
номъ слухѣ, да и вообще, все это по его мнѣнію, было еущимъ вздоромъ. Но суммы, получаемыя пѣвицами, внушаютъ уваженіе, а съ другой стороны тамъ блескъ и роскошь; въ ложахъ цвѣтнیکъ красивыхъ женщинъ, съ которыми онъ знакомъ; въ партерѣ весь олимпъ извѣстныхъ ему знатныхъ мужей; тамъ горячее дыханіе толпы, шутивый шопотъ, свиданіе со всѣми и демонстрированіе собственной особы; возстающей въ креслѣ съ лорнетомъ на носу. Славно, ахъ, какъ славно! И такъ идетъ день за днемъ, ночь за ночью; шумно, весело проходитъ жизнь, тщеславіе vorочается въ ложѣ изъ лавровъ и даже кричитъ отъ удовольствія, чувственность ныряетъ въ океанъ розъ и вдыхаетъ ихъ сладкій опьяняющій ароматъ...

Однако въ послѣдніе два года, его высокопревосходительство началъ скучать и казался менѣ веселымъ. Съ нимъ что-то творилось и на первыхъ порахъ онъ приписалъ это состояніе нездоровью. Онъ обратился за совѣтомъ къ знаменитымъ врачамъ, ѣздилъ въ Спа и Остенде, лечился гидротатіей, гимнастикой и массажемъ, но ничто не помогало. Онъ не испытывалъ физической боли, обладалъ такой силой, что по собственнымъ словамъ, могъ убить кулакомъ человека и между тѣмъ съ нимъ происходила перемѣна, которую замѣчали даже его беззаботные товарищи. Его громкій смѣхъ раздавался въ клубѣ все рѣже, за карточнымъ столомъ лицо его, несмотря на высоко-

1) Г-жа Эмиль Лубэ. 2) Г-жа Поль Дешанель. 3) Г-жа Андрэ. 4) Г-жа Вальдекъ-Руссо. 5) Г-жа Мильберанъ. 6) Г-жа Делькасса. 7) Г-жа Ланессанъ. 8) Г-жа Дюпюи. 9) Г-жа Лейгъ.

Французскія дамы, принимавшія участіе въ русскихъ торжествахъ:

Художественныя фигуры, украшающія вазу изъ севрскаго фарфора, принесенную въ даръ Государынѣ Императрицѣ президентомъ французской республики.

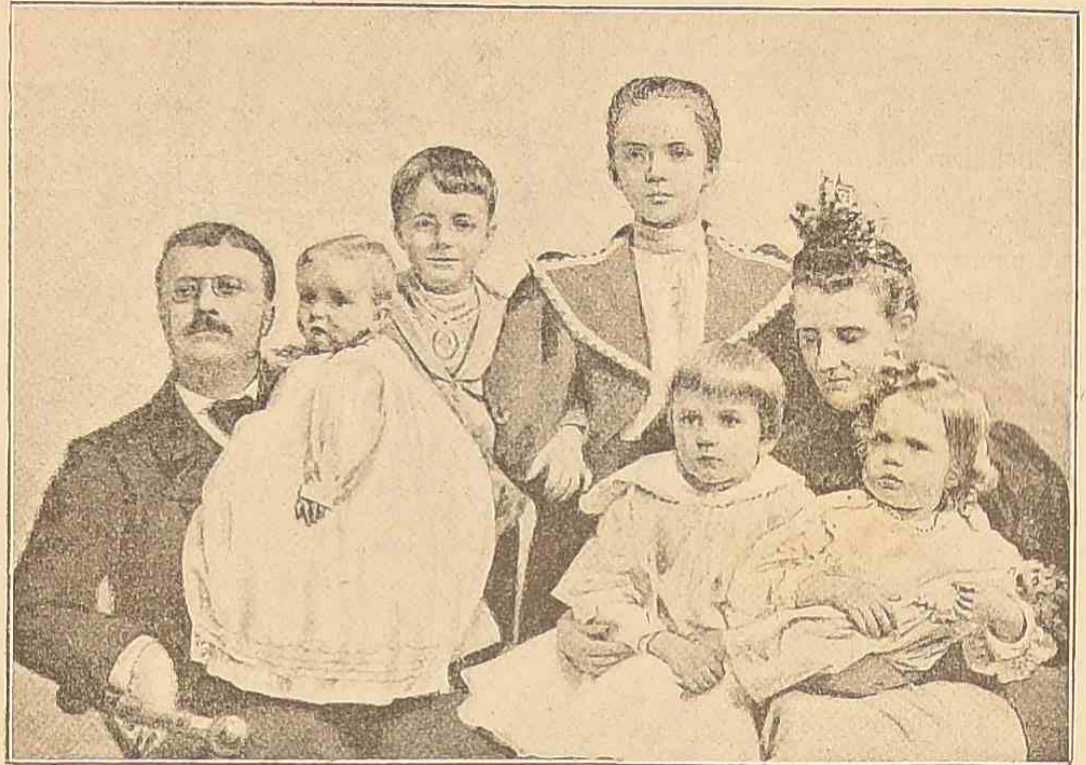
Отъ Вашингтона до Рузвельта, 25 президентовъ Соединенныхъ Штатовъ.

поставленныхъ партнеровъ не прояснялось, онъ не шутилъ и разъ даже, на предложеніе отравиться къ цыганкамъ, махнулъ рукой и съ неудовольствіемъ пробормоталъ: „я не хочу вѣчно des predrix“! Когда-то тоже онъ отодвинулъ тарелку съ мастерски приготовленной стерлядю, сдѣлалъ гримасу и произнесъ: „Надо-бло“. Глаза его потускиѣли, онъ часто устремлялъ ихъ въ пространство — какъ это дѣлаютъ люди озабоченные. На его лбу появились продольныя морщинки сначала почти незамѣтныя, но потомъ обрисовывающіяся все глубже и глубже... Что съ нимъ случилось, спрашивали пріатели. Что случилось со мной?—спрашивалъ онъ самого себя, но и пріателямъ и самому себѣ онъ неизмѣнно отвѣчалъ: „Не знаю, мѣръ ли измѣнился, или же я поглупѣлъ“.

На далекомъ, темномъ, зимнемъ небѣ свѣтила луна тусклая и грустная, потому что ея сіяніе затмевалось

блескомъ газовыхъ рожковъ, проливавшихъ обильный свѣтъ на большой городъ, покрытый бѣлой пеленой снѣга. По улицамъ во всехъ направленіяхъ перекрещивалось множество саней, увозившихъ толпу людей, стоявшихъ у входной двери театра.

И онъ, какъ другіе, былъ въ немъ

Рузвельтъ въ кругу своей семьи.

Рузвельтъ въ качествѣ полковника „дикихъ наѣздниковъ“ во время войны съ Испаніей.

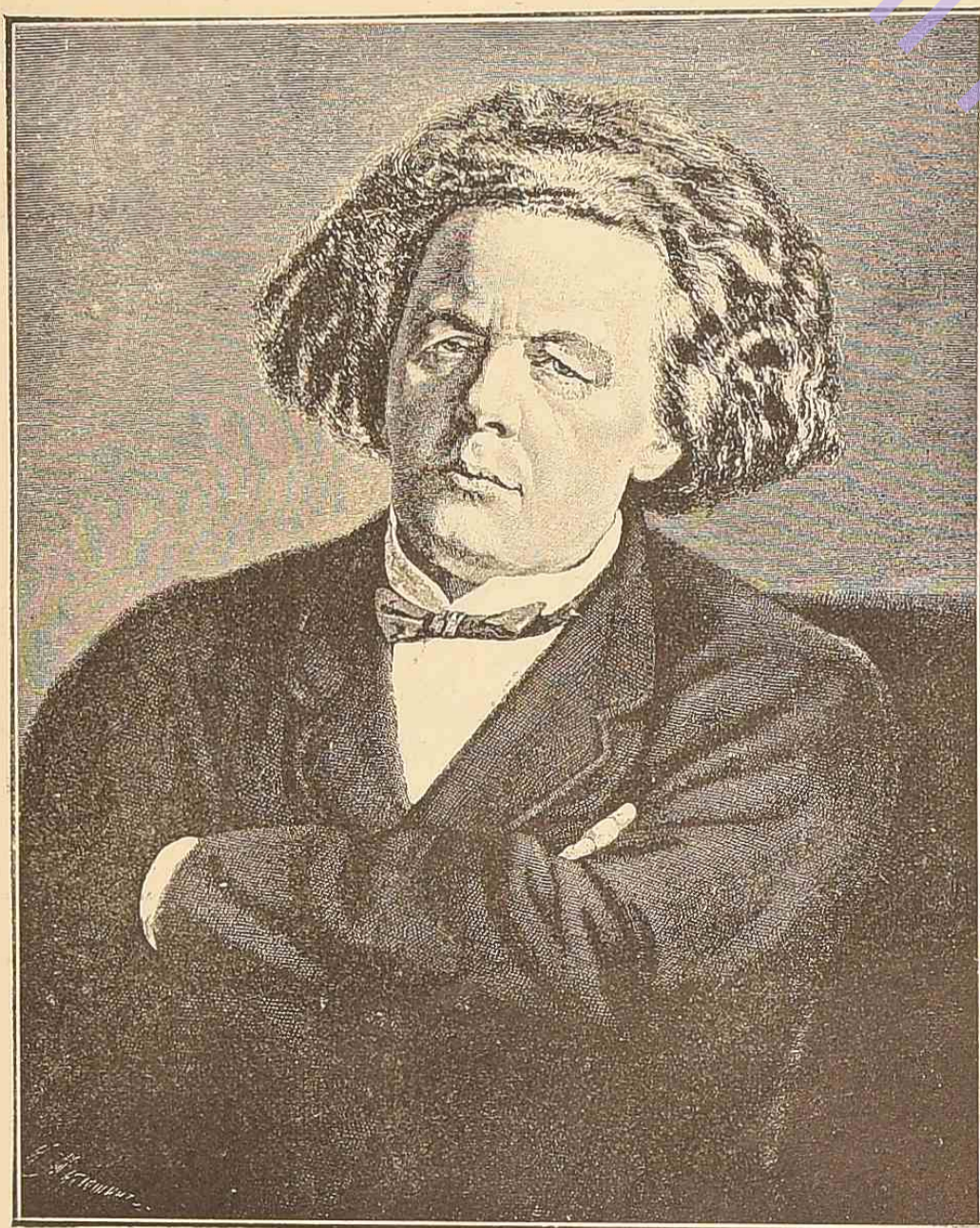

Рузвельтъ въ молодости, въ качествѣ „cow-boy“ на своей фермѣ въ Арizonѣ.

сегодня, слушалъ оперу, видѣлся со всѣми и показался всѣмъ. Затѣмъ, вскочилъ въ сани, закутался въ шубу и крикнулъ кучеру: „Поехъ!“.

Д-ръ В. В. Филиповичъ,
† 11 сентября 1901 г.

А. Г. РУБИНШТЕЙНЪ.
По поводу открытія школы его имени въ м. Выхватинцахъ. Подол. губ. 14 сент. т. г.

Т. Н. Селивановъ,
новѣй режиссеръ драматической труппы народной аудиторіи.

Быстро, красиво помчался рысакъ черезъ площадь, а его хозяинъ зѣвалъ такъ, что изъ его рта шель паръ, словно изъ трубы, и покрывалъ богатый мѣхъ каплями влажнаго тумана.

Зѣвая онъ вошелъ въ квартиру, приказалъ лакею, напоминавшему собою величественный автоматъ подать чай, улегся на турецкомъ диванѣ и вздохнулъ. Комната была уставлена роскошной мебелью, портьеры, зеркала, ковры—однимъ словомъ все, что только можетъ изобрѣсти мода, комфортъ и шикъ находилось здѣсь. Квартира отличалась изяществомъ и пустотой; въ ней не было никого, кромѣ величественнаго автомата, встрѣтившаго своего господина въ почтительномъ молчаніи. Хозяинъ этого роскошнаго жилища остался холостымъ по многимъ причинамъ. Было время, когда онъ желалъ жениться—умно, по расчету. Но богатая дѣвушка изъ великосвѣтскаго круга отказала ему, а съ другой, имѣвшей большія связи, онъ самъ не пожелалъ вступить въ бракъ. Одну минуту—онъ даже колебался, такъ какъ партія, по причинѣ вышеупомянутыхъ связей, была выгодна, но давно забытыя понятія о нравственности овладѣли имъ, и онъ отступилъ, сознавая, впрочемъ, что все это вздоръ. Такимъ образомъ онъ остался навсегда одинокимъ.

Онъ всталъ съ дивана и началъ ходить по блестяще освѣщенной квартирѣ—глаза потускнѣли снова, и онъ пробормоталъ нѣсколько разъ: „Чортъ возьми такое существованіе“. Онъ чувствовалъ недовольство жизнью. И оно явилось послѣ столькихъ трудовъ, заботъ, усилій, при такихъ связяхъ, почестяхъ, деньгахъ. Странно, весьма странно!

Онъ подошелъ къ письменному столу, взялъ въ свои руки нераспечатанное письмо, глаза у него заблестѣли, онъ улыбнулся: а отъ Ани! Ей Богу, отъ Ани! Она—такъ давно не писала, я думалъ, что совершенно забыть ею. Но она все таки вспомнила. Я радъ, очень радъ!

Аня была его сестрой, живущей гдѣ-то вблизи Бѣловѣжской пуцци, въ небольшой деревушкѣ, доставшейся имъ въ наслѣдство послѣ покойныхъ родителей. Они умерли, когда онъ былъ уже на полпути къ блестящей карьерѣ, и онъ написалъ сестрѣ: „Бери все, для тебя и твоихъ дѣтей это счастье, а для меня сущіе пустяки“. Впослѣдствіи она никогда не просила его ни о чемъ и называла своимъ благодѣтелемъ. Они не видѣлись въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, она писала рѣдко, а онъ отвѣчалъ кратко или не отвѣчалъ вовсе; проходили мѣсяцы, годы, и онъ не вспоминалъ о сестрѣ. Однако теперь, онъ былъ радъ ея письму и даже морщинки на лбу исчезли, когда онъ распечатывалъ его. Сидя у письменнаго стола, онъ пробѣжалъ первую половину письма быстро, а вторая, видимо, привлекла его вниманіе: „Пом-

1) Г-жа Адаберто, драм. сопрано. 2) Г-жа Таманти, лир. сопрано. 3) Г-жа Нунецъ, лир. сопрано. 4) Г-жа Бенфери, вторыя роли. 5) Г-жа Паганелли, контральто. 6) Г. Модести, баритонъ. 7) Г-жа Монти-Бруннеръ, меццо-сопрано. 8) Г. Гамба, драм. теноръ. 9) Г. Кварти, лирич. теноръ. 10) Г. Ферраюли, басъ. 11) Г. де Гранди, драм. теноръ. 12) Г. Помпа, баритонъ.

Группа артистовъ итальянской оперы подь управленіемъ Ф. Каstellіано, играющихъ въ Русскомъ театрѣ.

М О Д Ы.

нишь-ли ты,—писала обитательница далекаго деревенскаго домика, длинныя вечерніе разговоры отца съ приказчикомъ, въ то время, когда мы, въ углу комнаты, смотрѣли, какъ смѣшно на стѣнѣ отражалась тѣнь отъ папиныхъ усовъ? Какъ немногочужно было намъ тогда, чтобы чувствовать себя веселыми и счастливыми. Помнишь-ли ты тоже нашу поѣздку въ пуццу къ лѣснику! Какъ радовались мы ей? Я бываю въ ней и теперь, тамъ ничто не измѣнилось; сосны такія-же прямыя и громадныя какъ были тогда; палоротники такъ-же высоки, какъ тѣ, въ которыхъ мы заблудились и наши родители еле могли отыскать насъ. Неудивительно, вѣдь мы скрылись въ нихъ совсѣмъ и все шли впередъ, любопытствуя, что будетъ дальше. Я боялась разбойниковъ и дикихъ звѣрей, но ты успокаивалъ меня и увѣрялъ, что сумѣешь защитить. А наши родители, вмѣсто того, чтобы побранить насъ, отъ радости, что пропала наша лѣсница, цѣловали и ласкали насъ, а потомъ взяли на руки, отнесли въ домикъ лѣсника? Помнишь-ли ты все это, Володя? А шумъ пуцци, къ которому мы прислушивались по цѣлымъ часамъ, когда были уже подростками? Помнишь-ли ты—три старыя, клена, подь тѣнью которыхъ мы полдничили хлѣбомъ съ медомъ, и ты такъ любилъ его, что я всегда отдавала тебѣ половину своего, а ты взамѣнъ бѣгалъ въ лѣсу за орѣхами, зная, что они составляютъ мое любимое лакомство. Клены постарѣли, они стали еще тѣнистѣе и стоять на прежнемъ мѣстѣ, есть и медъ въ пазухѣхъ и орѣхи въ лѣсу, только тебя, Володя, нѣтъ здѣсь никогда, никогда...

Онъ остановился на этихъ строкахъ и съ улыбкой, съ пролившимися слезами началъ перечитывать ихъ. Потомъ онъ перевернулъ страницу, на которой въ тихій зимній вечеръ, любящая душа женщины проникнутая воспоминаніями свѣтлыхъ дней дѣтства и юности—чертила дальше:

„Помнишь-ли ты нашу небольшую дѣтскую съ бѣлыми стѣнами и окномъ выходившимъ въ садъ, въ которомъ мама сѣяла разныя лѣкарственныя травы? Помнишь-ли ты маму, терпѣливо долго разговаривающую съ деревенскими бабами объ ихъ нуждахъ и болѣзняхъ, или же раздающую травной настой больнымъ, несчастнымъ дѣтямъ? Въ нашей дѣтской выросли и вскормились, въ свою очередь, мои дѣти—Стасъ и Юля, а теперь въ ней моя и Юли спальня. Стѣны здѣсь попрежнему бѣлыя и окно выходитъ въ садъ, я тоже сѣю просвирнякъ, меліссу и чаберъ; недавно я нашла на чердакѣ твою деревянную лошадку и очистивъ ее отъ пыли—поставила въ углу комнаты. Это воспоминаніе о тебѣ, такъ какъ, хотя ты и живъ, но не для насъ, не для насъ.“

(Окончаніе слѣдуетъ)